

УДК: 130.2

<https://orcid.org/0000-0001-8412-1464>

ДАЛЬНИЙ СОБЕСЕДНИК ПОЭЗИРУЮЩЕГО КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ЭКЗИСТИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЯ

Д. В. Селищева, аспирантка ХНУ ім. В. Н. Каразіна

У статті робиться спроба розглянути концепт Мандельштама «провіденціальний співрозмовник» із застосуванням термінологічного інструментарію, розробленого Гайдеггером в трактаті «Буття та час». Роблячи припущення, що дальній співрозмовник – це специфічний спосіб буття поета з читачем (Mitsein), автор виявляє суперечливість в уявленнях Мандельштама про поезію, та розглядає досліджуваний концепт в роботах дослідників творчості Мандельштама, виділяючи два напрямки: діалогічне (співрозмовник поета - реципієнт) і анти-діалогічне (співрозмовник - розумовий конструкт), і протиставляючи їм ідею, що дальній співрозмовник – це можливість екзистування читача, що є структурним моментом поетичного розуміння.

Ключові слова: дальній співрозмовник, провіденціальний співрозмовник, Mitsein, поетичне розуміння, екзистування читача.

Актуальность проблемы определяется постановкой вопроса о поэтическом акте как событии понимания (хайдеггеровское Ereignis), то есть, развитием терминологического аппарата «Бытия и времени». Анализируя последние исследования, следует сказать, что вопрос о поэзии как о событии понимания (Ereignis), в отечественных изданиях не развит, поскольку трактат Хайдеггера «Бытие и время», где раскрыт вопрос о речи как в поле фундаментальной онтологии, не закончен. Последователь Хайдеггера Фридрих-Вильгельм фон Херрманн посвятил экзистенциалу речи (Rede) книгу «Фундаментальная онтология языка». Однако актуальность исследования определяется также интересом к активной роли читателя, появившимся после перформативного поворота в литературе. Здесь следует отметить работы Павла Арсеньева, который вслед в поле медиатеории развивает концепцию прагматической поэтики как поэтического – осуществляющегося в момент его чтения или слушания читателем [1], [2].

Цель – развить понимание бытия поэта с читателем посредством концептуализации термина Мандельштама провиденциальный/дальний собеседник. Задачи: раскрыть мандельштамовское видение исследуемого

концепта; изучить развитие концепта в работах исследователей творчества Мандельштама; концептуализировать термин дальний собеседник в поле фундаментально-онтологического анализа.

Поскольку поэзия есть *изначальное*, то есть, не искаженное средней повседневностью говорение, мы предполагаем, что возможность, на которую набрасывает себя поэзирующее Dasein, – это *возможность нового экзистирования*, подступом к которому является поэтическое высказывание [3, с. 58] Хайдеггер предлагает термин бытие-с-другими (Mitsein). Вопрос о Mitsein поэта и читателя – это вопрос о возможности, на которую набрасывает себя поэзирующий. Чтение есть понимание читателем бытия-в-мире, «обретшего слово поэтически» [4, с. 129], ставшего *выговариваемым* поэтического высказывания (das Beredete [5, p. 162]). О поэтической экзистенции ученик Хайдеггера Фридрих-Вильгельм фон Херрманн говорит, что она: «[...] тем отличается от непоэтической экзистенции, что она позволяет обнаружиться *внутримировому* теми способами, какие повседневной экзистенции из нее самой недоступны» [4, p. 118] [курсив мой – Д. С.]. На основании этого мы предполагаем, что поэт в момент поэтического понимания набрасывает себя на возможность экзистирования, которую впоследствии – в читательском понимании – осуществляет Другой. Читатель позволяет «поэтически обнаруженной» «смысловой целости» (бытия-в-мире поэта), выговоренной в поэтическом высказывании [4, p. 128], встроиться в его жизнь. Мы предполагаем, что в случае поэтического понимания следует говорить о заступнически-освобождающей заботливости о Другом, которая: «[...] не столько заступает на место другого, сколько за-ступничает за него в его экзистенциальном умении быть, чтобы не снять с него «заботу», но собственно как таковую ее вернуть» [6, с. 146].

Поскольку специфика поэтического наброска – в набрасывании Dasein на возможность экзистирования для другого, обращение к концепту «провиденциального собеседника» Осипа Эмильевича Мандельштама, изложенному в очерке «О собеседнике» может помочь в развитии понимания

специфики *Mitsein* поэта и читателя и, таким образом, в концептуализации понятия поэтический акт.

Особенность концепта провиденциальный/дальний собеседник состоит в том, что поэт, по мнению Мандельштама, говорит с *неведомым* «собеседником». Мандельштам критикует «бальмонтовскую» линию – поэтическое направление, отказывающееся от собеседника, панибратствующее и заигрывающее с ним без интереса к его пониманию: «Нельзя третировать собеседника: непонятый и непризнанный, он жестоко мстит» [7, с. 182]. В этом Мандельштам созвучен идее заступнически-освобождающей заботливости, поскольку предполагает присутствие в говорении поэта некоторого другого, отношение к которому может влиять на поэтическое понимание.

Мандельштам замечает, что обращение к «ближнему», известному человеку не может привести к столь же продуктивному пониманию, как обращение к дальнему: «Если я знаю того, с кем я говорю, — я знаю наперед, как отнесется он к тому, что я скажу, — что бы я ни сказал, а следовательно, мне не удастся изумиться его изумлением, обрадоваться его радостью, полюбить его любовью» [7, с. 183]. То есть, основная идея Мандельштама – это отдаление поэта от окружающих людей.

Однако, несмотря на это, Мандельштам утверждает, что: «Нет лирики без диалога» [там же]. Автор распространяет на поэзию ситуацию диалога, который понят им очень специфически: «[...] когда я говорю с кем-нибудь, — я не знаю того, с кем я говорю, и не желаю, не могу желать его знать». Между поэтом и собеседником, к которому он обращается, есть «огромного размера дистанция», благодаря которой поэзия может уважать собеседника и осознавать свою «беспричинную правоту», и, следовательно, может «обмениваться сигналами с Марсом» [7, с. 185]. Момент появления поэтического высказывания для Мандельштама – это диалог, только не с ближним, а с незнакомцем. Эта «незнакомость» страхует поэта от повторения общих мест, от тем, в которых заковано повседневное говорение

(на языке Хайдеггера – толки (Gerede [6, p. 67])). Благодаря вере в этого другого, в иного читателя, не похожего на всех знакомых поэту людей, выговариваемое (das Beredete ([6, p. 162]) поэтического высказывания представляется поэту таким, что оно наверняка будет распознано и понято лучше, чем его понимает сам поэт, следовательно, необходимым и неоспоримым.

Таким образом, дальний собеседник – это тот, кто может понять поэта и тем самым удостоверить его в его правоте. Тот, кто может услышать высказывание, уже существует, где-то – но не рядом, поскольку «лишь реальность может породить реальность» [7, с. 187], однако, поэт «безумен», когда бежит «на берега пустынных волн». Обращение поэта к незнакомцу, «читателю в потомстве», «марсианину» позволяет поэту понять о мире нечто новое. Новизна в таком случае – это новая возможность существования, которая будет доступна читателю.

Из очерка Мандельштама остается непонятным, реальность ли дальний собеседник, или образ, в который верит поэт. Специфика концепта дальнего собеседника состоит в том, что он как бы растянут между диалогичностью и антидиалогичностью: Мандельштам и признает диалогический характер поэзии, и в то же время настаивает на том, что поэт к ближнему собеседнику не обращается. Эту двоякость разные авторы осмысляли, расставляя акценты по-разному. Концептуализация термина дальний собеседник позволит подойти вплотную к изучению экзистенциалов Dasein читателя и специфики его понимания. Для концептуализации термина дальний собеседник необходимо совершить обзор представлений исследователей творчества Мандельштама об этом концепте.

Сергей Алевтинович Смирнов в статье «Структура акта автопоэзиса», осмысляет автопоэзис как выход поэта за пределы его онтологии посредством создания поэтом новой антропологии. Понимание поэта для Смирнова – это «порывообазование», а понимание читателя – «соисполняющее понимание», «порыв к восстановлению этого акта порыва»,

и эти две практики [8, с. 304] возможны благодаря (стихотворной) форме, удерживающей структурно-смысловые единицы. Концепция Смирнова содержит противоречие и, сверх того, рассматривает понимание читателя как не поэтическое. Противоречие состоит в том, что автор несмотря на отрицание возможности понимания акта автопоэзиса из текста либо биографии автора, анализирует стихотворение Мандельштама, текстуально выделяя такие структурные моменты высказывания как предмет, предикат, действие и его форму, затем переводит получившиеся элементы высказывания на язык понятий с целью проиллюстрировать собственную концепцию. В результате автор как бы из самого этого стихотворения подводит итог: произведение – это не описание или объяснение, а «опыт, опыт оглашаемый» [8, с. 308]. Этим самым он опровергает себя, переводя «опыт» произведения на язык высказывания, показывая тем самым, что произведение – а точнее, структурированное высказывание – вполне может существовать без своей формы – на языке понятий. То есть, *на практике автор показывает стихотворение Мандельштама таким, словно в нем не было трансценденции, выхода за пределы себя, в новое, и поэтому к его толкованию применим понятийный аппарат.* Во-вторых, Смирнов не углубляется в вопрос, чем же является «соисполняющее понимание» читателя, поскольку, согласно его концепции, читательское понимание не необходимо для осуществления поэзии. Таким образом, *поэт, согласно Смирнову, сам осуществляет новую возможность в акте творчества, истолкованного автором как «акт авто-поэзиса».* Поэтическое понимание, в таком случае, сводится к практике отправления индивидуальных нужд, *читательское – повторяет движение поэта.* Но повторению не место в поэзии, это, как писал сам Мандельштам, «было бы забиванием гвоздей» [7]. Поэзия анти-автоматична на обоих своих этапах; свести отношение поэт-читатель к ведению за собой – значит утратить ее специфику.

Елена Всеволодовна Невзглядова в сборнике своих статей «Интонационная теория стиха» обращается к концепту дальнего

собеседника, утверждая, что особенность поэтического говорения – это монотония, задающая особый способ контакта читателя с текстом – проживание, вместо прочитывания высказывания, обращенного лично к нему. Именно перечислительной монотонией определяется «автокоммуникативность», «неадресованность» стихов, поскольку читатель лирики вынужденно делает паузы, не предполагаемые грамматикой, но там, где их поставил поэт – в конце каждой строки [9, с. 18]. «Поэт, как бы отвернувшись от слушателя, говорит сам с собой, и читатель по его замыслу должен сделать то же самое» [9, с. 11]. Читатель лирики воспринимает речь поэта как собственную, артистически присваивает ее, благодаря монотонии: «стиховая интонация, в отличие от невыразительной бытовой, как бы намеренно противится обращению [...], в ней есть нечто [...], говорящее о нежелании замечать собеседника, поскольку оно отрицает логику и грамматику» [9, с. 38]. Стихотворение, в противовес прозаическому, *сообщающему* высказыванию, не высказывание, но действие понимания. Асемантическая пауза есть *средство для понимания*. Поэзия есть не обращение, а говорение, подытоживает автор. *Однако в данном случае понимание есть понимание поэта-стихотворца*. Невзглядова мыслит читателя по остаточному принципу, то есть, игнорирует момент двусоставности поэтического акта. Это происходит потому, что поэтическое понимание автору интересно постольку, поскольку оно является производной от поэтического высказывания, следовательно, от формальных сторон сущего «высказывание». Невзглядова движется от онтического (области внутримирового сущего – стихотворение) к онтологическому (понимание поэта). *Как результат, мы видим противоположность мандельштамовской диалогичности: понимание момента создания стихотворения как необращающегося говорения, поэта, наделенного особой способностью слышать; сужение поэзии до сферы «стихотворного», а дальнего собеседника – до мыслительного конструкта, необходимого для создания лучших образцов высказываний.*

Похожим образом использует концепт дальнего собеседника *Валерий Игоревич Тюпа*, автор переизданной в 2018-м году монографии «Литература и ментальность». Замечая, что локус эстетической деятельности неклассической литературы «в значительной степени смещается с объекта на адресат», Тюпа, полагает, что именно исследуя выполнение задачи «всеобщего личного определения» поэта, можно понять «корень художественных исканий XX века», поскольку «в поле творческой рефлексии» отныне «входит диалогическая природа творчества» [10, с. 44]. Согласно Тюпе, авангард формирует мысленный конструкт собеседника в читателе под воздействием произвола утопического уединенного сознания поэта, при этом происходит «контркультурная дезонтологизация уподобляемого тексту мира». Соцреализм отказывается от собственного произвола, дезактуализирует «индивидуальное «я»» [10, с. 82], подчиняя конструкт собеседника дискурсу власти. От этих двух дезонтологизирующих и авторитарных по отношению к читателю направлений отличается неотрадиционализм, утверждающий в качестве онтологии поэтического поимания «своего другого», кому принадлежит речь, и которым поэту предстоит стать. *Конструкт* собеседника, то есть, говорящего к читателю из стихотворения неотрадиционалиста – это не читатель-под-воздействием-стиха и не поэт-утверждающий-свою-волю, но тот, кто понимает поэтическое высказывание. Согласно Тюпе, в основе поэтического лежит потенция экзистирования поэзирующего. Рассматривая собеседника и как реципиента (в случае авангарда и соцреализма), и как конструкт в сознании поэта-понимающего (в случае неотрадиционализма), Тюпа утверждает, что верным путем развития поэзии является то направление, для которого собеседник поэта есть не объект, который необходимо авторитарно деформировать (самопроизвольно либо в рамках дискурса власти), но потенциал экзистирования поэзирующего. При этом слово «собеседник» здесь представляется нам едва ли уместным. Это, скорее, тот, кто является потенциалом экзистирования, импровизируемая поэтом роль, сыгранная на

сцене. К нему не обращаются – от его имени говорят вместо говорения от имени себя-повседневного.

Автор отыскивает путь онтологизации поэзии изнутри самой поэзии, то есть, возвращением поэзирующего к поэзированию как пониманию и уходом от поэзирования, понятого как сознательное воздействие на читателя. Это предполагает дистанцирование поэта от читателя и вместо концентрации на том, кем должен (по мнению поэта либо его вождя) стать читатель, – попытку понимания того, кем может стать сам говорящий, то есть, поэт. Однако в истинной, не тупиковой, поэзии неотрадиционализма теряется вопрос о связи собеседника и читателя. Автор говорит о «конвергенции», то есть, о «схождении несхожих», являющегося в то же время восхождением [10, с. 158-159]. В стремлении критиковать диалогичность (понятую здесь как авторитарность) поэзии, автор рассматривает процесс появления поэтического высказывания как деятельность поэта. Понимание читателя не рассматривается как этап события понимания, каким является поэтический акт. Именно поэтому даже направление поэзии, «правильное» в отношениях с идеологией, предстает в данной картине как обусловленное исключительно авторским сознанием. Второй проблематичный момент вытекает из первого и состоит в том, что концепт дальнего собеседника используется автором в случае поэзии авангарда и соцреализма для исследования особенностей отношения поэта к читателю. Другими словами, критикуя два из трех магистральных направлений советской поэзии в дезонтологизации поэтического слова, автор сам дезонтологизирует концепт дальнего собеседника, сужая его до рамок философской позиции поэта, либо правильной, либо недостаточной.

Таким образом, осмысляя концепт дальнего собеседника как мыслительный конструкт в сознании поэта, исследователи сужают поэзию до поэтического понимания. По разным причинам стремясь порвать с диалогическим представлением о поэзии, эти авторы сужают понятие поэтического до поля стихотворного, что само по себе предполагает

опознание поэзии по существу-результанте. Сторонники данной позиции обращают внимание на саму дальность собеседника; при этом читатель ассоциируется ими с тем, кто находится вблизи – с кем можно вести диалог. И поэтому поэзирующий, по их мнению, отказывается от обращения к читателю, предпочитая держать в уме мысленный конструкт. Эти филологи игнорируют специфичность наброскового характера поэтического понимания, в частности, Mitsein поэтического понимания. Отрывая ее от антропологического основания, мыслят ее как следствие философских воззрений поэтов (Тюпа) либо как особый тип филологических структур (Невзглядова).

Ряд исследователей осмысляет концепт дальнего собеседника в противоположном направлении. Эти авторы обращают внимание на момент собеседования в очерке Мандельштама «О собеседнике», и осмысляют его как намек на диалогическую сущность поэзии.

Физиолог и философ *Алексей Алексеевич Ухтомский*, опираясь на идеи Мандельштама, создает понятие Собеседника. Речь идет о стадии развития человеческого сознания, следующей за стадией Двойника, от которой он освобождается, «поставив центр тяготения на лице другого». В противовес монологичному Двойнику, собеседник – это «лицо другого человека», которое «открывается таким, каким я его заслужил всем моим прошлым и тем, что я есть сейчас» [11]. Таким образом, Собеседник Ухтомского связан с бытием-в-мире говорящего. В «Письмах» Ухтомский осмысляет читателя как собеседника, то есть, как того, взгляд кого поэт или писатель должен учитывать, когда пишет: «Каждая книга — поступок, и чтобы он мог совершиться, другой человек, читатель, должен сидеть по ту сторону письменного стола [...]» [11, с. 214]. Но при этом дальний собеседник – не просто читатель-реципиент. Ухтомский идет дальше слияния дальнего собеседника и читателя. Рассуждая о людях, которые не нуждались в писательстве, Ухтомский приходит к выводу, что корнем писательства является *неудовлетворенная потребность иметь перед собой собеседника,*

нехватка понимания, свойственная устной речи [12, с. 159]. Потому, хотя стадия Двойника преодолима с трудом, писатель – исключение, и поэтому он способен к тому, чтобы говорить с Собеседником сразу, когда ему это необходимо. Но при этом Ухтомский не ограничивает этой особой способностью к пониманию благодаря со-бытию только лишь лирику или какое-то одно направление – дальний собеседник понимается им как некое *представление, присущее любому пишущему*. Отсюда можно сделать вывод, что писательство как таковое (а не только лирика) – это для Ухтомского способ мышления более качественного, оснащенного диалогизмом, доступным более развитой личности, способной иметь «центр тяготения» в другом. *Таким образом, развивая концепцию дальнего собеседника, Ухтомский мыслит поэзию как то, что имеет преимущество над устной речью в плане понимания благодаря свойству пишущего особым образом быть с другим, поскольку момент создания художественного произведения есть именно понимание, мышление, а не только лишь средство для воздействия на читателя. То есть, в концепции Ухтомского принципиален именно момент понимания пишущего. Однако при этом то, какому высказыванию присущ Собеседник, определяется, в духе английского романтизма, по внутримировому существу – письменно зафиксированному высказыванию поэта или писателя.*

Любовь Геннадьевна Кихней и Елена Владимировна Меркель в статье «Осип Мандельштам. Философия слова и поэтическая семантика» связывают концепт «провиденциального собеседника» с обращениями к реципиенту в стихах Мандельштама. Авторы переводят вопрос из области онтологии в область литературно-критического знания и исследуют поэтический корпус Мандельштама на предмет развития идеи дальнего собеседника. Говоря о «Разговоре о Данте», авторы замечают, что: «[...] читатель, собеседник, реципиент как бы втягивается в систему произведения, становится не только воспринимающим субъектом, но и интерпретатором, исполнителем, то есть сотворцом текущего смысла произведения, а поэт – соответственно –

тракується на як творец, а, скорее, как «дирижер» смыслов» [13]. Несмотря на это, авторы замечают: «На наш взгляд, ментальный образ собеседника мыслится Мандельштамом как некий новый контекст, в который погружается актуальный авторский текст. [...] Именно потому, что адресат из ближайшего контекста и поэт близки друг другу, не возникает необходимого резонанса, ситуации диалога. Информация лежит в одной интерпретационной плоскости. Другое дело в будущем, когда изменившееся время и новые культурно-исторические условия диктуют новое понимание и иное прочтение произведения» [13]. Таким образом, согласно Кихней и Меркель, дальний собеседник есть, с одной стороны, реципиент, который способен понять стихотворение; с другой, репрезентант нового контекста, благодаря обращенности к которому поэт может говорить изнутри своего гармонического единства с миром. Отсюда видно, что в статье наглядно обозначено противоречие, которое есть в самом задействованном Мандельштамом слове «собеседник». Если дальний собеседник – реципиент, то говоримое к нему рассчитано на него, в смысле ожиданий поэта уже определенного. Это исключает возможность нового: мы уже в некотором роде знаем того, к кому говорим. С другой стороны, «новый контекст», «новые культурно-исторические условия» – противостоят идее реципиента, собеседника.

*Таким образом, если авторы, обращающие внимание на «дальность» дальнего собеседника, мыслят концепт дальнего собеседника как конструкт в сознании поэта, следовательно, критикуют поэзию как диалогическую форму культуры, и не осмысляют понимание читателя и поэтический акт как двусоставное событие; то авторы, концентрирующиеся на идее дальнего собеседника как на идее реципиента поэтического высказывания, в той или иной степени раскрывают понимание читателя. Однако, во-первых, при этом они не осмысляют момент читательского понимания как осуществление читателем заданной в поэтическом понимании возможности существования. **Второй** проблемой осмысления концепта*

дальнего собеседника как реципиента является то, что поэтическое высказывание для этих авторов – средство сказать что-либо реципиенту, адресату. Но это противоречит нашему пониманию поэзии как разомкнутости языка в собственном модусе, предполагающем такое функционирование речи, при котором происходит не воздействие на Другого, а позволение Другому быть именно как Другому (что коррелирует с заступнически-освобождающей заботливостью).

Из проделанной выше работы следует, что дальний собеседник не есть «воспринимающее сознание», как не есть он и мыслительный конструкт. *Дальний собеседник есть возможность существования, явленная в поэтическом высказывании и осуществляющаяся в понимании читателя.* Поскольку дальнего собеседника создает сам акт выговаривания новой возможности существования, слово «собеседник» выглядит здесь едва ли уместным. Эта «неуместность» – необходимо указывает на особый способ отношения, особый способ «беседы» поэта и дальнего собеседника. С целью углубления онтологического понятия дальний собеседник следует актуализировать тезис о том, что *Mitsein поэта есть бытие с дальним собеседником.*

Понимание поэта не как поэта-творца (дальний собеседник – конструкт) или поэта-адресанта (дальний собеседник – адресат) возможно благодаря осмыслению *Mitsein* читателя и поэта как взаимообуславливающих в кругу, имеющем, если представить его графически, два «входа». С одной стороны, поэт входит в этот круг, слушая самовыговаривающееся бытие-в-мире; с другой читатель входит в него, слушая сказ поэтического высказывания – выговоренное бытия-в-мире поэта. Поэт входит в этот круг в момент поэтического понимания не потому, что он обращается к Другому, но поскольку его задетость внутримировым сущим указала ему на отягощенность вещей миром. В этой отягощенности благодаря интерэкзистентности отношений поэта с миром – уже присутствует читатель, в качестве Другого, глядящего в том же направлении

[4, p. 89-90]. Поэт обращается не к уже присутствующему читателю, но «создает» дальнего собеседника: пишет к тому, кем читатель станет в будущем, поняв поэтическое высказывание. Поэтическое высказывание, в отличие от обыденного говорения, не диалогично. Однако понятие поэтическое высказывание может только читатель. Поэт не создает дальнего собеседника «сознательно». Провокация поэтическим пониманием понимания читателя осуществляется вне ведения поэта. Читатель же входит в этот круг, умолкая и тем самым вслушиваясь в высказывание, поскольку в речь бытия вслушивался поэт – то есть, давая тому, что задело поэта, задеть и его. Иными словами, понимание читателем поэтического высказывания есть внятия смысла высказывания. Самовыговаривание смысла поэтического бытия-в-мире учреждает возможность экзистирования, того, кто понимает поэтическое высказывание.

Литература

1. Arsenev, Pavel. "State of emergency Literature. Varlam Shalamov vs. 'all progressive humanity'". *The Literary Field under Communist Rule*. Boston: Academic Studies Press, 2018.
2. Arsenev, Pavel. "The Contemporary Russian Poet Comes Out and Sorta Drops Us a Hint". *Russian Studies in Literature* 54, nos. 1-3 (2018): 141-153, <https://doi.org/10.1080/10611975.2018.1507525>
3. Селищева Д. В. Поэтирование как феномен фундаментальной онтологии / Д. В. Селищева // «Sciences of Europe». Сборник научных работ. – 2018 – № 4 (27). – С. 57-65.
4. Херрманн фон Ф.-В. Фундаментальная онтология языка / Ф.-В. фон Херрманн [пер. с нем. И. Н. Инишев]. – Минск : Изд-во ЕГУ; ПроPILEI, 2001. – 168 с.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер [пер. с нем. В. В. Библихина]. – Харьков : «Фолио», 2003. – 509 с.
6. Heidegger M. *Sein und Zeit* / M. Heidegger. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2001. – 445 s.
7. Мандельштам О. Э. О собеседнике / О. Э. Мандельштам // Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х т. – М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993. – Т. 1. – С. 182-187.
8. Смирнов С. А. Структура акта автопоэзиса. Опыт поэтической антропологии / С. А. Смирнов // ЧЕЛОВЕК.RU. – Новосибирск : Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, 2014. – № 9. – С. 304-317. – DOI: 10.7256/2222-1956.2014.2.12162
9. Невзглядова Е. В. Интонационная теория стиха / Е. В. Невзглядова. – М. : Нестор-История, 2015. – 160 с.
10. Тюпа В. И. Литература и ментальность: монография / В. И. Тюпа. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 231 с.
11. Ухтомский А. А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях / А. А. Ухтомский. – СПб. : Петербургский писатель, 1996. – 528 с.
12. Каверин В. Собеседник. Заметки о чтении / В. Каверин // Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Новый мир». – М. : Известия советов депутатов трудящихся СССР, 1969. – № 1. – С. 155-169.
13. Кихней Л. Г., Меркель Е. В. Осип Мандельштам. Философия слова и поэтическая семантика / Л. Г. Кихней, Е. В. Меркель. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 240 с.

References

1. Arsenev, P. 2018. "State of emergency Literature. Varlam Shalamov vs. 'all progressive humanity'". *The Literary Field under Communist Rule*. Boston: Academic Studies Press.
2. Arsenev, P. 2018. "The Contemporary Russian Poet Comes Out and Sorta Drops Us a Hint". *Russian Studies in Literature* 54, nos. 1-3: 141-153, <https://doi.org/10.1080/10611975.2018.1507525>

3. Selischeva, D. 2018. "Poezirovaniye kak fenomen fundamentalnoy ontologii" [Poetization as a Phenomenon of the Fundamental Ontology]. *Sciences of Europe*, 4 (27): 57-65.
4. Herrmann, von F.-V. 2001. *Fundamentalnaya ontologiya yazyika* [Fundamental Ontology of Language]. Translated by I. N. Inishev. Minsk: Propilei.
5. Heidegger, M. 2003. *Byitie i vremya* [Being and Time], Translated by V. V. Bibihin. Harkov: «Folio».
6. Heidegger, M. 2001. *Sein und Zeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
7. Mandelshtam, O. 1987. "Razgovor o Dante" [Conversation about Dante]. in *Slovo i kultura*, 107-152. Moscow: Sovetskiy pisatel.
8. Smirnov, S. 2014. "Struktura akta avtopoezisa. Opyit poeticheskoy antropologii" [Structure of the Act of Poetization. The Experience of the Poetical Anthropology]. *CHELOVEK.RU*, 9: 304-317. <http://doi.org/10.7256/2222-1956.2014.2.12162>.
9. Nevzglyadova, E. 2015. *Intonatsionnaya teoriya stiha* [Intonational Theory of a Poem] Moscow: Nestor-Istoriya.
10. Tyupa, V. 2018. *Literatura i mentalnost* [Literature and Mentality]. Moscow: Yuray.
11. Uhtomskiy, A. 1996. *Intuitsiya sovesti: Pisma. Zapisnyie knizhki. Zametki na polyah* [Intuition of Consciousness: Letters, Notebooks, Marginalia]. Saint Petersburg: Peterburgskiy pisatel.
12. Kaverin, V. 1969. "Sobesednik. Zametki o chtenii" [Interlocutor. Notes on reading]. *Literaturno-hudozhestvennyiy i obschestvenno-politicheskiy zhurnal «Novyy mir»*, 1: 155-169.
13. Kihney, L., Merkel, E. 2013. *Osip Mandelshtam. Filosofiya slova i poeticheskaya semantika* [Osip Mandelshtam. The philosophy of word and poetical semantics]. Moscow: FLINTA.

FAR INTERIOR OF THE POPPING AS AN OPPORTUNITY TO READ THE READER

Selishcheva D.V.

In the article author attempts to consider Mandelstam's concept of "a providential interlocutor" using terminological tools developed by M. Heidegger in "Being and Time", as well as the concept of "poetical act", which is author's original development. The assumption is made that the distant interlocutor is a specific way of being of the poet with the reader (Mitsein). The author reveals the inconsistency in Mandelstam's ideas about poetry, and therefore considers the concept under study in the works of Mandelstam's researchers, highlighting two directions: dialogical (the poet's interlocutor is a recipient) and anti-dialogical (the interlocutor is a mental construct), and contrasting them with the idea that the distant interlocutor is the possibility of existential reader, appearing at the moment of poetical understanding.

A poetical act is an event of understanding, that consists of the understanding of the poet and the understanding of the reader. The main question of the article is "what the poet's being with the reader is?" (Mitsein), how these two existences are connected. The relevance of the problem is determined, on the one hand, by the question of the poetical act as an event of understanding (Heidegger's Ereignis), that is, by the need to develop the terminological apparatus of "Being and Time", where the question of speech is disclosed in the field of fundamental ontology, since it is not finished. Analyzing recent studies, it should be said that the question of poetry as an event of understanding (Ereignis) is not developed in domestic publications either. Heidegger's follower Friedrich-Wilhelm von Herrmann devoted his book "Fundamental ontology of language" to the existential of speech (Rede). On the other hand, relevance is determined by the interest in the active role of the reader after the performative turn in the literature. Here, it is worth noting the work of Pavel Arsenyev, who, following the field of media theory, develops the concept of pragmatic poetics as poetic that is carried out in the process of reading or hearing by the reader (Arsenev, "State", 2018), (Arsenev, "Russian Poet" 2018).

Keywords: distant interlocutor, providential interlocutor, Mitsein, poetic understanding, existential reader.

ДАЛЬНИЙ СОБЕСЕДНИК ПОЭЗИРУЮЩЕГО КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ЭКЗИСТИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЯ

Селищева Д. В.

В статье предпринимается попытка рассмотреть концепт Мандельштама «провиденциальный собеседник» с применением терминологического инструментария,

разработанного Хайдеггером в трактате «Бытие и время», а также понятия «поэтический акт», являющегося авторской наработкой. Автор делает предположение, что дальний собеседник есть специфический способ бытия бытия поэта с читателем (Mitsein). Автор выявляет противоречивость в представлениях Мандельштама о поэзии, и потому рассматривает изучаемый концепт в работах исследователей творчества Мандельштама, выделяя два направления: диалогическое (собеседник поэта – реципиент) и анти-диалогическое (собеседник – мыслительный конструкт), и противопоставляя им идею, что дальний собеседник – это возможность экзистирования читателя, появляющаяся в момент поэтического понимания.

Ключевые слова: дальний собеседник, провиденциальный собеседник, Mitsein, поэтическое понимание, экзистирование читателя.